

УДК 17.021.3

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, ЗНАНИЕ И УНИВЕРСИТЕТ НА ПУТИ К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЯ

С.В. Рассадин, Д.Е. Трегубенко

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет»
(г. Тверь)

Рассматриваются проблемы перехода современного социума к формату общества знания. Авторы анализируют специфику трансляции знания в будущем социальном устройстве, эксплицируют ключевую роль высшего образования в формировании человека общества знания – интеллектуала. На этом фоне разбираются альтернативные стратегии отношений интеллектуалов и власти, артикулируется необходимость диалога интеллектуальной элиты общества знания и институтов принятия решений.

Ключевые слова: знание, информационное общество, общество знания, интеллектуалы, власть.

В последние годы дискуссии о сути происходящих социальных трансформаций и направленности новых стратегий общественного развития всё чаще сводятся к обсуждению формирования общества знания. При этом следует отметить, что общество знания не есть простое развитие информационного общества. Последнее только создаёт условия, закладывает технологический потенциал и социальный капитал, формирование которых с точки зрения использования их человеком должно стать фундаментом для общества знания.

Достижение уровня общества знания в глобальном масштабе возможно лишь при целенаправленных совместных усилиях всего человечества в социальной, образовательной, экономической и, конечно же, политической сферах. В таком обществе интеллектуал как носитель специальных знаний становится едва ли не ключевой фигурой. Этот факт подчёркивается практически во всех проектах, направленных на концептуализацию и последующее конструирование общества знания. К подобным фундаментальным аналитическим дискурсам-проектам, порождаемым группами экспертов, действующих по заказам глобальных институций, прежде всего относятся Болонский проект (реализация решений Европейского союза), программа «Общество знания» (отражение деятельности комитетов ЮНЕСКО – 2005), Кронбергская декларация о будущем процессов приобретения и передачи знаний (2007) и др. Исключительная роль «знания» как ключевого феномена современного социального устройства выделена экспертами ЮНЕСКО, подготовившими доклад «К обществам знания», в котором они постулируют:

«...знание является источником власти, поскольку оно создаёт потенциал и способность действовать» [5, с. 191].

Важнейшими концептами, релевантно связывающими структуру будущего общества знания, оказываются «знание», «власть» и «интеллектуал» (как основной субъект общества нового типа). Центральными проблемами, возникающими в ходе конструирования будущего социальной системы, таким образом, видятся, во-первых, проблема трансляции/циркуляции знания в социуме (т. е. вопрос образования – кто, что и как должен преподавать для действительно качественного существования человека будущего) и, во-вторых, проблема взаимодействия интеллектуалов (предполагаемых носителей/трансляторов культуры общества знания) и власти (понимаемой как в широком смысле – как силовое поле социума, так и в более узком – как определённой социальной организации чиновников, противостоящей остальной социальной массе).

Проблема трансляции знаний в современном социуме

Наиболее остро эти вопросы проявляются при анализе проблемы, их объединяющей, – определение статуса и роли компонента «знания» в современном обществе и – уже – в системе образования. Эту взаимосвязь между образованием и социальным становлением человека обозначил один из виднейших мыслителей XX в. Джон Дьюи: «Центр социальности человека лежит в образовании... Если допустить, что взросление и моральный процесс – это одно и то же, то станет очевидным, что наиболее экономичный и эффективный метод социального развития и реорганизации – это более сознательное и формальное образование детей и что истинное значение всех институтов взрослой жизни состоит в их воздействии на продолжающееся образование» [4, с. 144].

Множественность концептов, дефинирующих современное состояние общества (постиндустриальное, постмодерное, информационное и т. п.) во многом отражает ключевую проблему самого определения: через что (какой фундаментальный родовой/генетический/проективный признак) выявлять сущность социума второй половины XX – начала XXI в.? Обнаружение данного признака крайне важно в силу его формообразующего характера для изменяющегося общества и, следовательно, для системы образования данного общества. Этот момент изменения формы знания в современную эпоху, его переход в статус информации подчёркивает в книге «Состояние постмодерна» (1979) Ж.-Ф. Лиотар: «... по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна, изменяется статус знания. <...> При таком всеобщем изменении природа знания не может оставаться неизменной. Знание может проходить по другим каналам и становиться операциональным только при условии его перевода в некое количество информации» [8, с. 14–17]. Ключевыми в данном случае анализа системы образования оказываются

концепты «информационного общества» и коррелирующего с ним «общества знания».

Публикация книг Мануэля Кастельса, Джона Нейсбита, Джона Гэлбрейта и других авторов обобщает изменения и тенденции в современном обществе, связанные с развитием новых информационных и коммуникационных технологий, с проникновением данных технологий во власть, с серьёзными изменениями в сфере труда. Понятие «общества знания», впервые использованное в 1969 г. университетским преподавателем Петером Друкером, получило детальное развитие в 90-х гг. XX в. и концептуальное значение в аналитических исследованиях, проведённых под эгидой ЮНЕСКО в наши дни. Созданная в рамках ЮНЕСКО в 1993 г. Международная комиссия по образованию для XXI в. (возглавляемая Жаком Делором) провела ряд глобальных исследований, опросила множество экспертов с целью определения возможных путей развития системы образования в целом и высшего образования в частности.

В качестве основных проблем, стоящих перед обществом и системой образования, Комиссия выделила следующие: «В наступающем столетии будут преобладать глобальные процессы, порождающие устойчивые противоречия, которые нужно будет преодолевать – противоречия между глобальным и локальным, всеобщим и индивидуальным, традициями и современностью, перспективными и ближайшими задачами, конкуренцией и равенством возможностей, неограниченным расширением знаний и ограниченными возможностями человека усваивать их, противоречия между духовным и материальным. При всем многообразии культур и социальных систем остаётся общей для всех проблема воссоздания демократического идеала, способного генерировать и поддерживать чувство солидарности всех людей» [10, с. 1].

Артикуляция данных проблем, по мнению авторов доклада, направлена на создание «более человеческого и справедливого мира», при этом ключевым инструментом для решения означенной проблемы они видят образование. Но образование в рамках концепции «информационного общества» с неизбежностью приводит к вполне очевидному и установленному уже Ж.-Ф. Лиотаром разрыву между образованием как процессом по накоплению специальных (и, как правило, односторонних знаний) и образованием как процессом формирования личности: «Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования (Bildung) разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления» [8, с. 18]. Таким образом, постулированная Международной Комиссией по образованию для XXI в. «доминирующая» задача образования – «дать возможность всем без исключения проявить свои таланты и весь свой творческий потенциал, что подразумевает для каждого возможность реализации своих личных планов» – кажется недостижимой [10, с. 1]. Этот диссонанс между целями и способами реализации должен был элиминировать следующий проект

ЮНЕСКО – «К обществам знания» (2005). Соединение информационных технологий и различных культурных и языковых моделей предлагается экспертами ЮНЕСКО в качестве оптимального и универсального средства для построения общества будущего: «Понятие информационного общества основывается на достижениях технологии. Понятие же обществ знания подразумевает более широкие социальные, этические и политические параметры. Множественное число здесь использовано очевидно неслучайно, а для того, чтобы подчеркнуть, что не существует какой-то единой модели, которую можно «поставить под ключ» и которая недостаточно отражала бы культурное и языковое многообразие, которое одно только и может позволить каждому человеку ориентироваться и найти своё место при нынешних стремительных изменениях. Построение любого общества всегда включает различные формы знания и культуры, в том числе и те, на которые оказывает сильное влияние современный научно-технический прогресс» [5, с. 19]. Авторы данного глобального проекта учитывают ещё один крайне важный факт. Вместе с изменением технологий, появлением новой экономики знаний изменяется сама «система» культуры (эпистемологические модели, типы знаков, виды дискурсов и т. д.). Образование как система передачи культурных кодов и дискурсов должна быть трансформирована в целях соответствия новой культуре: «Сама культура не основывается более на модели постоянства и воспроизводства, а, скорее, на модели творчества и обновления. Генерализация обучения на всех общественных уровнях является логичным противовесом отсутствию постоянной стабильности, что вызвано такой инновационной культурой... Обучающиеся общества в XXI-м веке должны решить важную задачу: как добиться сочетания инновационной культуры с долгосрочным видением» [там же, с. 60].

Последнее, по мнению авторов доклада, достижимо при комплексном развитии двух базовых способностей основного «средства» обработки информации, т. е. человека! Это – развитие критического мышления и медиакомпетентности. Именно данные цели видятся авторам важнейшими факторами культуры и, следовательно, важнейшими целями образования общества XXI в.: «...избыток информации не обязательно приводит к приращению знания. Ещё нужно, чтобы средства “обработки” этой информации оказались на высоте. В обществах знания каждый человек должен будет уметь свободно ориентироваться в потоке информации, который нас захлёстывает, и развивать когнитивные способности и критический ум, чтобы отличать “полезную” информацию от бесполезной» [там же, с. 21].

Указанная перспектива, по мнению Лиотара (предсказанному за четверть века до публикации доклада), редуцирует высшее образование к роли социальной подсистемы, основной функцией которой должен стать «вклад в наилучшую эффективность социальной системы» [8, с. 117]. Эта цель подразумевает радикальное изменение содержания

высшего образования: «...высшее образование должно продолжать по-прежнему представлять социальной системе компетенции, связанные с её собственными требованиями, призванные поддерживать её внутреннее единство. Раньше эта задача содержала образование и распространение всеобщей модели жизни... В контексте утраты легитимности университеты и институты высшего образования подчиняются отныне требованию формирования компетенций, а не идеалов <...> Передача знаний не выглядит более как то, что призвано формировать элиту ... но поставляет системе игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли на практических постах, которые требуются институтам» [там же, с. 117–118].

Важнейшей специфической чертой, вытекающей из самой природы общества знания, существующего в рамках глобального информационного пространства, является установка на постоянное обновление (всего: контента, программ, идей, образов, моделей поведения, профессий, стилей, технологий, в конечном счёте смыслов жизни). Инновационность общества знания предлагается решать с помощью европейской концепции «образование через всю жизнь». Но реализация данной концепции возможна только при чётком осознании двух комплементарных целей образования: во-первых, ориентации процесса обучения на предельно широкое развитие самого человека, во-вторых, при условии развития у человека широких возможностей когнитивного поиска и максимально объёмного кругозора. Дж. Гэлбрейт отмечает: «Колледжи и университеты могут решительно отстаивать ценности и устремления образованного человека, то есть те начала, которые служат не производству товаров и связанному с ним планированию, а интеллектуальному и эстетическому развитию человека» [3, с. 533]. Достижение указанных целей видится вероятным при воспроизводстве в процессе обучения определённых образовательно-культурных инвариантов, обеспечивающих чёткий мировоззренческий каркас для последовательного и упорядоченного процесса быстрого и качественного усвоения (через критическое осмысление) самых разных культурных инноваций. Данное воспроизводство задаётся инструментарием, прежде всего гуманитарных дисциплин, создающих фундаментальную основу (матрицу) для восприятия любых культурных моделей. Эта матрица видится в умении обучаться, т. е. научении человека критическому мышлению, сомнению, умению обращаться к своему культурному наследию. Таким образом, можно согласиться с выводом Гэлбрейта о необходимости «гуманизации» образовательного процесса и определении «образования» как специфичной деятельности, преследующей свои собственные цели и задачи, напрямую не сводимые к будущей жизнедеятельности обучающегося: «Образование станет самоцелью, а не средством подготовки к более успешному обслуживанию индустриальной системы» [там же, с. 566].

Наиболее актуально всё вышеизложенное для высшего образования, поскольку ключевой образовательный проект Европы – универси-

тет. Данный факт постулируется в докладе «К обществам знания»: «В обществе знания, создаваемом на основе кардинальной реорганизации классических схем производства, распространения и применения знаний, высшим учебным заведениям отводится первостепенная роль. В последние пятьдесят лет, в высших учебных заведениях, построенных, в значительной мере, по европейской университетской модели, отмечается резкий рост численности обучающихся, позволяющий говорить <...> о подлинной “массовости” высшего образования» [там же, с. 91].

Университет предполагается сделать ключевым пространством культуры и местом открытого для всех обучения. При этом авторы проекта ЮНЕСКО подчёркивают уникальный характер высшего образования: «Высшее образование отличается от начального и среднего образования не только возрастом и уровнем знаний обучающихся, но и тем, что в его системе создаются и используются новые знания в культурной, социальной и экономической сферах общества. Без реализации функций научных исследований, открытий, инноваций высшие учебные заведения превратятся в учреждения “образования третьей степени”, являющегося обычным продолжением начального и среднего образования» [5, с. 100].

Корреляция концептов «информационное общество» и «общество знания» возможна именно в университетском пространстве в процессе преобразования их в центры «знания для обучения через всю жизнь», медиатором в данном случае должны выступать как медиаобразование, так и гуманитарное образование. Наиболее ярко значение последнего проявляется при определении проблемы культурного и языкового многообразия в информационном обществе. Оно подразумевает решение двух взаимосвязанных задач – создания новой этически толерантной культуры (универсального типа) и сохранения культурного наследия. И то и другое должно решаться через развитие социальных и гуманитарных наук в университете, непосредственно формирующих культуру интеллектуала. Этот факт подчёркивается в проекте «обществ знания»: «Наиболее перспективным подходом к образованию будущего является создание новых форм гуманитарного обучения, призванных восполнить пустоты, возникающие в результате постепенного ухода в прошлое традиций, основанных лишь на письменном слове, и, таким образом, обеспечение сводного восприятия современных знаний. Такие новые формы находились бы в едином русле с идеей <...> “продвижения знания, способного охватить глобальные и фундаментальные проблемы, добавив к ним знания частичного и локального характера”» [5, с. 86]. Последнее видится авторам проекта возможным через создание культуры нового типа – «научной культуры», объединяющей всех людей, получивших высшее образование в рамках будущих «университетских сетей»: «Научная культура – это не культура учёных. Раньше она часто понималась именно как особая форма культуры, принадлежащей исключительно “учёному миру”. В действи-

тельности она представляет собой наилучшее средство формирования междисциплинарного кругозора, поскольку подразумевает знакомство с различными формами знания. Это кроме всего прочего – важнейшее условие для диалога между точными и естественными науками, с одной стороны, и науками гуманитарными и общественными, с другой – тем более что переходы между ними довольно редки и носят подчас конфликтный характер. Научная культура включает усвоение междисциплинарного подхода, поскольку научная культура самих исследователей должна отныне выйти за рамки их узкой специализации» [там же, с. 136]. Следовательно, можно констатировать как факт: последовательный переход к всеобщему высшему образованию, а в перспективе перевод различных локальных университетских программ в единую систему «университетской сети», которая станет основным пространством для конструирования новой – научной – культуры.

Таким образом, социальные и гуманитарные науки, знание, которое они в явной и имплицитной формах транслируют и создают в обновляющемся университетском пространстве, должны стать одновременно как основным инструментом для передачи инвариантных образовательных умений и навыков критической мысли, способности учиться и переучиваться, так и местом формирования этически устойчивого, граждански мыслящего интеллектуала, обладающего широким кругозором и толерантными установками, способного к диалогу на всех возможных языках будущей «научной культуры мира». Кто и на каких основаниях способен к выполнению данной задачи? Какова роль интеллектуалов как трансляторов «научной культуры мира» в обществе знания?

Интеллектуалы и власть в обществе знания

Проблема взаимодействия интеллектуалов и власти могла бы считаться уже исчерпанной: интеллектуалы «встречают» во властные отношения, начиная с момента своего возникновения – со Средних веков [7]. Однако полагать, что этот вопрос изжил себя, не позволяет его особая важность для современного общества, находящегося на пути к построению общества знания. Станет ли власть знаний базисом для политической власти – зависит в первую очередь от самих интеллектуалов.

Ряд социальных философов полагают, что в современных условиях отношения интеллектуалов и власти могут развиваться по нескольким сценариям: союз, оппозиция, альтернатива и уход [2]. Рассмотрим каждый из этих способов более подробно, что позволит выявить наиболее эффективные из них с точки зрения построения общества знания.

Союз с властью – наиболее опасный вариант сотрудничества. Он опасен тем, что интеллектуал может оказаться «поглощённым». Чтобы избежать подобного своего положения, интеллектуал должен вовремя отойти от власти. Конкретным примером ситуации, когда интеллектуал

лы приходили во власть, становились ее активными субъектами, а затем покидали сферу политической деятельности, служит обстановка в Болгарии конца XX в. Болгарский социальный мыслитель И. Стефанов, описывая «бархатную» революцию, отмечает, что интеллектуалы являются «той социальной группой, которая находит простор для своей деятельности в момент острых социальных перемен, когда в обществе возникает определённый идейный вакуум. Этот вакуум открывает новые перспективы для интеллектуалов, способных видеть недостатки настоящего и найти пути выхода из сложившейся ситуации» [13, с. 160]. При этом для того, чтобы не ассимилироваться с политической элитой, «интеллектуалы предпочитают уйти из сферы политики, переходя в другие социальные структуры» [там же, с. 168].

Говоря об оппозиционной модели поведения интеллектуала, следует учитывать немаловажный факт: по сути, и власть и оппозиция говорят об одном и том же, но с разных точек зрения. Но в любом случае оппозиция – всегда реакция на конкретные властные решения. Другими словами, будучи оппозиционером, интеллектуал также способен лишиться широты взглядов, и опять же появляется риск его зависимости от власти.

Следующий, альтернативный способ интеллектуального поведения предполагает соблюдение условия: интеллектуал не затрагивает напрямую властные институты. Он не состоит ни в числе её сторонников, ни в числе её оппозиционеров. Идя по этому пути, интеллектуалы могут создавать альтернативные модели, например, в виде литературных утопий. Участие в деятельности правозащитных организаций гражданского общества – ещё один способ альтернативного поведения интеллектуалов. Однако альтернатива может превратиться в уход, если интеллектуала не будут слышать за границами «интеллектуальных кружков»¹.

Ещё один вариант альтернативы – использование коммуникативных стратегий, направленных на соприкосновение непосредственно с носителями общественного мнения. Общественное мнение в условиях доминирующей массовой культуры выступает в роли своеобразного мерила: любое явление, процесс или высказывание так или иначе соотносится с общественным мнением (пусть даже и искусственно созданным). Вот этим свойством и может воспользоваться интеллектуал. Многообразие коммуникативных средств, имеющих широчайший охват непосредственных носителей общественного мнения, позволяют ему публично обозначать вопросы первостепенной важности.

¹ По своей сути «интеллектуал» – обозначение экстернальное. Интеллектуал становится интеллектуалом только вне своей социальной группы (если рассматривать его принадлежность к большим социальным группам, в частности, к профессиональным).

Одним из наиболее продуктивных подходов к осмыслению массовой культуры и способов коммуникации в ней следует признать точку зрения Д. Белла, согласно которой массовая культура – это своего рода организация обыденного сознания в информационном обществе, или особый язык, на котором члены информационного общества достигают взаимопонимания [1]. Основные инструменты массовой культуры – СМИ выступают как связующее звено между постиндустриальным обществом высокой специализации и человеком, который интегрирован в него лишь как «частичный» человек. Коммуникация между «частичными» людьми и узкими специалистами осуществляется лишь на уровне «массового человека», т. е. на среднем общедоступном языке, которым и является массовая культура.

Существование массовой культуры невозможно представить без ключевой роли СМИ. В середине XX в. французский исследователь социальной истории Европы Кристоф Шарль отметил, что, в период между двумя мировыми войнами интеллектуалы приобретают ряд новых характерных черт. В частности, одним из наиболее мощных факторов, оказавших воздействие на интеллектуалов, стало появление новых СМИ. Радио и телевидение спровоцировали расслоение интеллектуалов по признаку доступа к медийному пространству. Произошло разделение на «настоящих» интеллектуалов, имеющих доступ в СМИ, и на тех, кто проявляет активность в узких кругах, не имея возможностей для более широкой пропаганды своих идей [14].

Иллюстрацией выстроенных отношений между интеллектуалом и СМИ может выступать общественная деятельность Мишеля Фуко. В 1971 г. он создал «Группу информирования по тюрьмам» – комиссию по изучению условий содержания в тюрьмах. Официальной целью её образования называлось привлечение внимания общественности к плачевному состоянию пенитенциарной системы Франции. На самом деле за всем этим был сокрыт оппозиционный политический эксперимент. Стратегия ГИТ предполагала создание форума, на котором заключённые (в том числе и политические) могли бы рассказать о том, как жестоко они были наказаны якобы «гуманным» обществом. Раскрытие полученной информации для СМИ было непременным условием деятельности комиссии. Вот как говорил об этом сам Фуко: «Мы просто хотим говорить о реальности. И говорить о ней постоянно, день за днём, ибо решение проблемы не терпит отлагательств. Мы должны привести общественное мнение в состояние тревоги и удерживать его в этом состоянии» (цит. по: [9, с. 362]).

Общественное мнение рождается и формируется сегодня не столько в традиционных СМИ, огромные возможности предоставляются Интернетом – социальные сети, блоги, Twitter. Однако интеллектуал не всегда умеет правильно использовать «язык» массовой культуры, чтобы доносить свои идеи. Сербский социальный мыслитель С. Релич

на примере своей страны показывает, что зачастую интеллектуальная элита «говорит непонятным для большей части языком, а идеи и результаты своего труда публикует в журналах, выходящих очень скромным тиражом» (цит. по.: [6, с. 87]).

Неумение интеллектуала использовать эти коммуникативные механизмы в условиях массовой культуры может привести к тому, что он окажется ненужным, ведь «человек-масса» (используя термин Х. Ортеги-и-Гассета) сам знает, что ему надо делать. О власти в условиях массового общества говорят все, практически у каждого имеется о ней определённое сформировавшееся мнение.

Так что же позволяет выделять интеллектуала из массы, в которой каждый обладает своим непоколебимым мнением, и говорить, что к его мнению можно или даже нужно прислушиваться? Во-первых, интеллектуал отличается от человека-массы своим положением. Он – профессионал в своей сфере, обладающий определённым авторитетом. Кроме того, он способен мыслить глобально, выходя за рамки обыденного сознания, разрушая «интеллектуальную герметичность» [11, с. 95]. В период перехода к обществу знания провозглашается необходимость максимальной доступности каждого к информации как к инструменту знания. Однако сама ценность информации отходит на второй план. Гораздо важнее становится умение анализировать эту информацию, превращать её в контент.

Во-вторых, интеллектуал не даёт своих оценок континуально. Он способен мобилизоваться в кризисных ситуациях. Примером такой ситуативной активности может послужить уже упомянутая обстановка в 90-х гг. прошлого века в Болгарии. Подобные процессы происходили на рубеже XX – XXI вв. и в других странах Восточной Европы, в частности в Румынии и Чехословакии.

Интеллектуальные продукты в обществе знания и информации являются своеобразным стимулом для развития инициативы граждан. Стимулирование общественного мнения, инициатором которого является интеллектуал (или группа интеллектуалов), способно приобретать синергетический эффект и трансформироваться в глобальный Коллективный интеллект. Вот как пишет об этом академик Н.Н. Моисеев: «В постиндустриальных условиях возникает возможность построения глобальной информационной системы, благодаря которой отдельным лицам становятся доступны и общие знания, и возможность вносить личный вклад в коллективную память. Коллективный интеллект представляет собой объединение локальных интеллектов; он напоминает мозг, только в нем роль нейронов играют люди. В результате функционирования глобальной информационной системы неизбежно возникают общие оценки происходящего и формулируются коллективные решения. В итоге Коллективный интеллект становится инструментом, преобразующим множество индивидуальных суждений, открытий, изобретений в целостную программу

действий, которая позволит успешно противостоять экологическим угрозам и откроет человечеству путь в ноосферу, когда будут обеспечены условия коэволюции человека и природы» (цит. по: [12, с. 203]).

В итоге, возвращаясь на макроуровень возможного взаимодействия интеллектуалов и власти, отметим, что наиболее эффективным методом будет являться совмещение основных рассмотренных моделей с вынесением на первый план альтернативной. Эта модель интеллектуального поведения должна быть исходной, так как именно в ней заложена свобода интеллектуального мышления. Запуск модели альтернативного поведения производится для того, чтобы добиться реакции и последующих действий со стороны властных структур. Однако останавливаться на альтернативных методах, обращённых в первую очередь к носителям общественного мнения, не вполне результативно. Адресуя свой посыл общественности, интеллектуал лишь обозначает проблему, не давая готовых вариантов решений, по сути оставляя её открытой. Поиск ответов на вопросы, публично поставленные интеллектуалом, – это уже задача власти. Поэтому дальнейшее развитие событий может подчиняться сценарию союза (в том случае, если власть идёт на диалог) или же оппозиции (если диалога добиться не удалось).

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. Горецкий Д., Юров А. Гуманитарият, или О месте интеллектуалов в социальном пространстве. [url:http://www.4cs.ru/materials/publications/wp-id_140/](http://www.4cs.ru/materials/publications/wp-id_140/)
3. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 2004.
4. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. М., 2001.
5. К обществам знания: всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005.
6. Калоева Е.Б. Есть ли в Сербии элита? // Элиты в странах Восточной Европы (начало XXI века): Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отд. Вост. Европы. М., 2009. С. 78–102.
7. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.
9. Миллер Дж. Будьте жестокими! Интеллектуальная биография М. Фуко // Логос. 2002. № 5–6. С. 331–381.
10. Образование: сокрытое сокровище (Learning: The Treasure Within): основные положения доклада Международной комиссии по образованию для XXI века Издательство ЮНЕСКО, 1996.
11. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и др. работы. Эссе о литературе и искусстве. М., 1991.

12. Соколов А. Диалоги об интеллигенции, коммуникации и информации: сб. науч. тр. / ред.-сост. Т.Ф. Берестова, Ю.В. Гушул, И.Д. Тузовский. Челябинск, 2011.
13. Стефанов И. Альтернативы интеллектуальному поведению // Элиты в странах Восточной Европы (начало XXI века): Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отд. Вост. Европы. М., 2009. С. 159–169.
14. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века // Французские интеллектуалы от дела Дрейфуса до наших дней: память и история. М., 2005. С. 304–306.

INTELLECTUALS, KNOWLEDGE, AND THE UNIVERSITY: ON THE WAY TO KNOWLEDGE SOCIETY

S.V. Russadin, D.E. Tregoubenko

Tver State Technological University (Tver)

The article is aimed at the analysis of the transition of the contemporary social order to knowledge society. Within its format, the specific characteristics of knowledge dissemination in the coming social order, as well as the key role of higher education in the formation of knowledge society representatives - intellectuals are studied. In this perspective, alternative strategies of the intellectuals' attitude to power are reviewed. The necessity of the knowledge society intellectual elite dialogue with the decision making institutions are articulated.

Key words: *knowledge, information society, knowledge society, intellectuals, power*

Об авторах:

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», e-mail: s_r08@mail.ru

ТРЕГУБЕНКО Дарья Евгеньевна – аспирантка кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», e-mail: dashok87@list.ru